ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОСЕТЕВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА. МЕЖДУ «СЛАВНЫМ» ПРОШЛЫМ И НЕОПРЕДЕЛЕННЫМ БУДУЩИМ

Люблинский В. В.,

доктор политических наук,

главный научный сотрудник,

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия.

E-mail: lyubl.victor@yandex.ru

Аннотация. Новая социальная реальность ставит в политическую повестку вопросы, связанные с развитием социального государства, прежде всего в трех основных контекстах. Это формирование новой модели управления на принципах эффективности и участия, расширение возможности влияния граждан на политику; трансформации сферы труда и занятости; преобразование системы социальной поддержки граждан и обеспечения их социально-экономических и политических прав. Активность социальных сетей вокруг деятельности государства сама по себе не является показателем его эффективности в социальной сфере, так как ситуация принципиально не меняется. Идет борьба за использование государства в интересах политических, социальных, экономических групп. Между тем в современном мире государство должно играть новую роль в соответствии с меняющейся реальностью: всемерно поддерживать процесс демократизации политических отношений, максимизировать результаты социальных взаимодействий и одновременно минимизировать проблемы и гасить конфликты. Цифросетевизация продуцирует внутренние эффекты модернизации социального государства. Получает развитие сетевое и дистанционное управление сферой благосостояния, что может способствовать упорядочению и оптимизации развития,

в том числе в России. В новой реальности задачи социальной политики меняются, но во многом остаются прежними. Бедность никуда не исчезает, трансформируется и нарастает. Усиливается роль фактора неопределенности. Очевидно, что цивилизованное и нравственное общество не может позволить себе отказаться от универсального характера социальной политики, так как она, помимо прочего, превратилась в важный фактор решения далеко не только чисто социальных проблем. На первый план выходит проблема повышения качества человеческого капитала, а в связи с этим — улучшения системы профессиональной подготовки, ибо конкуренция обостряется по всем основным направлениям, включая сферу труда и занятости. Поэтому, необходима социальная модель развития, которая отвергает главенство рыночно-страховых принципов организации в пользу всеобщего характера поддержки, обеспечивая рост доходов и благосостояния всех граждан, но одновременно учитывая различия возможностей каждого гражданина.

Ключевые слова: цифросетевизация, социальное государство, социальная политика, политические отношения, эффективность, справедливость, человеческий капитал, труд, занятость.

POLITICAL AND ECONOMIC ASPECTS OF DIGITAL NETWORK WELFARE STATE. BETWEEN «GLORIOUS» PAST AND UNCERTAIN FUTURE

Lyublinsky V. V.,
Doctor of Political Sciences,
Main Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia.
E-mail: lyubl.victor@yandex.ru

Abstract. The new social reality puts issues related to the welfare state on the political agenda primarily in 3 main contexts. That is the formation of a new model of governance based on the principles of efficiency and participation, expanding the possibility of citizens' influence on current and strategic policy; transforming the sphere of labor and employment; changing the system of social support for citizens and ensuring their socio-economic and political rights. The activity of social networks around the state is not an indicator of its social effectiveness, since the situation does not change fundamentally. The struggle of different political, social and economic groups unfolds around the state. Meanwhile, in modern world the state must play a new role in accordance with the new reality in order to support democratization of political relations, maximize results of social interactions and minimize conflicts. Digitalization produces internal effects of modernization of the welfare state. Network and remote management of the welfare sphere is being developed, which can streamline and optimize development everywhere, including Russia. In the new reality the tasks of social policy are changing, but in many respects they remain the same. Poverty does not disappear, it transforms and expands. The uncertainty is increasing. Obviously, a civilized and moral society cannot afford to abandon the universal character of social policy, since it has become an important factor in solving social and other problems. The issue of improving the quality of human capital comes to the fore, as well as improving the system of vocational training, because competition is becoming more acute in all major areas, including labor and employment. Therefore, a social development model is needed that rejects the primacy of the market-insurance principles in favor of the universal support, ensuring growth of incomes and welfare of all citizens and taking into account differences in capabilities of everyone.

Keywords: digitalization, social state, social policy, political relations, efficiency, justice, human capital, labor, employment

С момента своего возникновения социальное государство укреплялось, став важным политическим институтом, который полностью вписался в индустриальное общество. Он во многом обеспечивает устойчивость общественной системы, способствуя решению экономических и социальных проблем, росту благосостояния различных социальных групп. И тем самым выступает как важнейший фактор развития. Социальное государство достаточно успешно выполняло свои функции на протяжении многих десятилетий. Но с утверждением сетевого общества, особенно в эпоху цифровых технологий, оно оказывается в новой реальности. В обществе развиваются мощные глубинные процессы, которые преобразуют его прежнюю институциональную и социальную архитектуру.

Новая социальная реальность ставит в политическую повестку вопросы, связанные с развитием социального государства, прежде всего в трех основных контекстах. Это формирование новой модели управления на принципах эффективности и участия, расширение возможности влияния граждан на политику; трансформации сферы труда и занятости; преобразование системы социальной поддержки граждан и обеспечения их социально-экономических и политических прав. В статье затронуты некоторые, по мнению автора, существенные моменты, касающиеся данной проблематики.

Цифровые технологии и технологии искусственного интеллекта (ТИИ) проникают в политическую сферу, получают развитие «цифро-сетевая демократия». Потенциально это могло бы привести к переустройству общества на новых началах, сделать шаг в сторону более справедливого устройства в России и мире, а политическую сферу более прозрачной и морально чистой, не формально, а реально ответственной перед народом. Такая власть была бы в состоянии навести порядок и в финансовом хозяйстве страны, пересмотрев приоритеты финансирования, сократив избыточные расходы и соразмерно увеличив нужные и необходимые, оптимизировать использование ресурсов и нанести чувствительный удар по коррупции.

В связи с этим серьезный вопрос концептуального порядка. Каким должно быть эффективное и справедливое государство?

Как оно должно соотноситься с меняющимся обществом? Так называемая экосистема цифрового правительства сформирована и в России, будучи построена на основе сетевых взаимодействий государственных и частных структур, компаний, предприятий, общественных организаций и граждан. Но, согласно распространенному взгляду, эффективным управление становится тогда, когда государство отступает, становится менее значительным и функционирует в сети на паритетной основе с частными интересами. Подобная сеть управления означает коалицию участников на основе разделения ответственности [Merrien, 1998: 57–67].

Очевидное достоинство цифровых технологий в том, что они позволяют гражданам достаточно быстро обнаруживать проблему, информировать об этом общество. Власти не могут это игнорировать и должны поэтому взаимодействовать с обществом, корректировать политику и искать новые решения той или иной социальной проблемы. Кроме того, возрастает и конкретизируется ответственность за принятые политические решения и их последствия. Общество с помощью современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) может проникать достаточно глубоко в недра «политической кухни», что принципиально важно для оздоровления политической сферы. Хотя существует и обратная сторона медали: в условиях непрерывной политической борьбы, которая, кстати, только усиливается, информация может намеренно искажаться и не соответствовать действительности. Такое уже имело место в России и в период недавних реформ социальной сферы, не говоря уже о периоде 1990-х гг. Так называемая оптимизация здравоохранения по факту нанесла стране ущерб. Весьма неоднозначный характер носила реформа образования. Наконец, пенсионная реформа не привела к росту благосостояния старшего поколения, на что часто акцентировали внимание власти, при этом были урезаны социальные права у большой части граждан.

Однако развитие модели «цифро-сетевой демократии» — важный политический фактор для настоящего и будущего России. Это способствовало бы переходу от «нисходящего»

к «интерактивному» процессу управления, что означало бы изменение роли государства. Сторонники такого взгляда не без основания считают, что в эпоху цифросетевизации «высокопрофильное» государство теряет эффективность: политико-управленческие решения зачастую не достигают поставленных целей. В этих условиях перспектива может быть в переходе к модели «низкопрофильного» государства, когда власти осуществляют постоянный мониторинг различных ситуаций, определяют сценарии, оценивают последствия, соизмеряют свои возможности воздействия, чтобы добиваться желаемых результатов. Эта концепция «благого» управления характеризуется переходом от надзора к контракту; снижению уровня централизации, ограничению распределительной функции государства. А в политико-управленческом плане — в сторону его конструктивного сотрудничества с различными секторами гражданского общества.

Активность социальных сетей вокруг деятельности государства сама по себе не является показателем его эффективности в социальной сфере, так как ситуация принципиально не меняется. Идет борьба за использование государства в интересах тех или иных политических, социальных, экономических групп. И, как это было всегда, в условиях открытости сетевого общества группы меньшинства могут испытывать трудности в продвижении своих социально-политических проектов. Так или иначе, в современном обществе государство должно играть новую роль в соответствии с меняющейся реальностью: всемерно поддерживать процесс демократизации политических отношений, максимизировать результаты социальных взаимодействий, минимизировать проблемы и конфликты. Иными словами, играть предначертанную ему роль центра политической власти и управления, нацеленного на условное «всеобщее благо».

В этом отношении цифровизация продуцирует внутренние эффекты модернизации социального государства. Получает развитие сетевое и дистанционное управление сферой благосостояния, что может способствовать упорядочению и оптимизации социально-экономического развития на всех уровнях.

Существенным моментом является быстрое развитие технологической основы сетевого общества — высокоскоростных коммуникаций. Это требует от граждан мобилизации усилий для приобретения специальных знаний, компетенций и навыков, необходимых для обработки информации, чтобы успешно входить в жизнь общества, соответствовать требованиям рынка труда и функционировать в «новом цифровом мире» [Evangelopoulos, 2015: 262].

Между тем в новой реальности задачи социальной политики меняются, но во многом остаются прежними. Бедность никуда не исчезает, трансформируется и нарастает. Усиливается роль фактора неопределенности в развитии. Граждане нуждаются в сильной системе социального страхования рисков, которые в силу парадоксальности прогресса множатся, возрастают. В свое время именно это во многом мотивировало архитекторов «государства всеобщего благосостояния» / «социального государства» (welfare state), когда под большим срывом и натиском проблем капиталистическое общество стало трещать по швам.

Необходимость в мощной поддержке, финансово-экономической, социально-политической и законодательно-правовой, постоянно испытывают различные социально-профессиональные группы, домохозяйства и предприниматели. Ответственное государство не может оставить эти сферы без активного внимания, стремясь одновременно к эффективности и справедливости, балансируя между ними, поддерживая актуальность и оперативность административно-политического регулирования и социальной поддержки. С одной стороны, в современном мире (и Россия отнюдь не является исключением) социальное государство переживает трудные времена, давление на него различных внешних и внутренних факторов возрастает, а критика противников усиливается. С другой стороны, необходимо понимать, что это вызвано определенными интересами, связанными с борьбой за контроль над движением ресурсов и их распределением. Объективно цивилизованное и нравственное общество не может позволить себе отказаться от универсального характера социальной политики, так как

она, помимо прочего, превратилась в важный фактор его развития, решения далеко не только чисто социальных проблем. Поэтому основные усилия направлены на то, чтобы придать ей больше гибкости, но не в ущерб устойчивости и динамичности в связи с быстро идущей технологической и социальной трансформацией мира.

Социальные проблемы как следствие новой реальности

Развитие цифро-сетевого общества порождает новые социальные проблемы, которые становятся значительным фактором в политических отношениях в современном мире и в России.

Особенно обостряется ситуация в сфере занятости, усиливается социальное неравенство в развитых странах, где уже на данном этапе около 10 из 127 профессий находятся в критическом положении, поскольку они подвержены высокому риску автоматизации. Чтобы устоять на рынке труда, «средний» работник в этих профессиях нуждается в существенной подготовке (продолжительностью более одного года). Доля занятых в этих профессиях составляет в разных странах от 2 до 6%, если риск для всех работников находится на высоком уровне, и от 0,3 до 1,5%, если эта ситуация не носит всеобщего характера [OECD Skills Outlook... 2019: 25]. На первый взгляд, немного, и ничего угрожающего нет, но это только начало нового пути.

Согласно специалистам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), оценки минимальных затрат на оказание помощи работникам с высоким риском автоматизации перейти на работу с низким или средним риском автоматизации с минимальными усилиями по повышению квалификации (или переобучению), умеренным снижением заработной платы и ограниченным избытком навыков составляют от 0,5–1% ВВП в Норвегии до 2–10% ВВП в Чили. Предположение, что только часть таких работников находится в зоне риска, дает оценку нижней границы, а предположение, что все работники находятся в зоне риска, — оценку верхней границы. Различия между странами связаны с различиями

в доле занятых с высоким риском автоматизации, в расходах на образование и профессиональную подготовку, в косвенных расходах на подготовку лиц, не получающих заработную плату, а также в распределении профессий и компетенций [OECD Skills Outlook... 2019].

На нынешнем этапе технологического развития многие профессии обесцениваются, а работник оказывается в состоянии постоянной и растущей конкуренции за «профессиональное выживание», так как скорость обновления человеческого капитала возрастает. Профессиональные компетенции, необходимые для эффективного выполнения работы, претерпевают значительные изменения. К 2022 г. показатель профессиональной стабильности в глобальном плане (когда доля базовых навыков, необходимых для выполнения работы остается прежней) ожидается на уровне в 58%, причем не менее 54% всех работников потребуется пройти переподготовку и повышение квалификации [The Future... 2018].

Спрос на специалистов, выполняющих рутинную работу, обречен на снижение относительно спроса на работников, выполняющих нестандартные задачи, связанные с интеллектуальной деятельностью. В этой ситуации возникает очевидная потребность в политике, которая способствовала бы мобильности в сфере приложения труда, оптимизируя распределение трудовых ресурсов на отраслевом, региональном и профессиональном уровнях. Рост профессиональных компетенций становится более важным, чем когда-либо прежде, он становится перманентным, чтобы противостоять имеющему место возрастающему разрыву между спросом и предложением на рынке труда, который обостряет проблемы экономического развития и социально-политическую ситуацию. Система образования и профессиональной подготовки нуждается поэтому в перенастройке таким образом, чтобы она предоставляла всесторонние возможности для социально-профессиональной мобильности в течение активного жизненного трудового цикла [Labour Market... 2019: 4].

Таким образом, возрастает необходимость в политике, которая способна обеспечить общий квалификационный сдвиг.

Но это возможно, если именно государство даст импульс масштабным программам профессиональной переориентации работников предприятий и организаций в различных сферах. Данная проблема никуда не уйдет. В этих условиях политика качественного роста занятости становится первоочередной текущей и стратегической задачей.

Удастся ли обществу противостоять растущему несоответствию профессиональных компетенций, дисбалансу спроса и предложения на рынке труда, развивающемуся процессу слома традиционной модели занятости? Тем более необходимо учитывать, что общество вступило в активный период широкомасштабного использования искусственного интеллекта и робототехники, что может привести к кардинальным сдвигам. В перспективе это, безусловно, станет одним из главных направлений социальной политики.

Знамение времени — в сфере управления персоналом активно начинают использоваться различные технологические инновации. В настоящее время 40% функций управления человеческими ресурсами (HR), применяемых по всему миру в различных, в том числе крупных, компаниях, используют приложения, дополненные искусственным интеллектом. В большей степени это получило распространение в США, предприятия в Европе и Азии пока значительно отстают. Согласно опросу PricewaterhouseCoopers (PWC), в этих целях все больше глобальных компаний используют ИИ. Кроме того, 32% отделов кадров в технологических компаниях перестраивают организации с помощью ИИ. А исследование, проведенное IBM, показало, что половина главных HR-менеджеров признают важность технологий в области HR, связанных с поиском и наймом талантливых специалистов [Moore Phoebe, 2019: 95].

Внедрение технологий, которые замещают и вытесняют человеческий труд, является одним из основных факторов трансформации модели социально-трудовых отношений. Во многих странах Евросоюза произошел существенный сдвиг в сторону компетенций, связанных с нестандартными, когнитивными задачами. В условиях быстро меняющегося спроса на рынке

труда разворачивается жесткая конкуренция, что обуславливает рост дифференциации занятости и доходов. В сфере производства новые технологии, связанные с обработкой информации, требуют серьезной теоретической и практической подготовки, серьезных знаний и навыков для их применения, одновременно делая многие трудовые операции, характерные для предшествующей технологической эпохи, ненужными.

На первый план поэтому выходит проблема повышения качества человеческого капитала, а в связи с этим — улучшения системы профессиональной подготовки, что позволит на уровне общества и предприятий обеспечивать конкурентоспособность, рост эффективности инвестиций и труда, рост доходов. Задача государства поэтому состоит в том, чтобы улучшить функционирование рынка образовательных услуг, стимулировать вложения в образование со стороны работодателей, но при этом повышать уровень собственного финансирования этой сферы.

В конце 2000-х гг. произошел подъем популярности мобильной работы на базе ИКТ, которая представляет собой версию удаленной работы без фиксированного местоположения. Эта форма занятости получила распространение в таких секторах, как ИКТ, машиностроение (автомобильное, авиационное, строительное), здравоохранение и некоторых других сферах. Преимущественно она охватывает работников умственного труда и менеджеров, большинство из которых имеют постоянные контракты на полный рабочий день [Valenduc, Vendramin, 2016: 31]. Интерес со стороны работодателей состоит в том, чтобы оптимизировать процесс труда, сделав его более гибким и продуктивным, привлечь высококвалифицированных специалистов, одновременно сокращая затраты и повышая производительность труда. Мотивация работников главным образом связана с возможностью находиться вне жесткого контроля, самостоятельно планировать работу, улучшая тем самым баланс между рабочим и свободным временем. Мобильные работники часто сообщают о повышенном уровне удовлетворенности работой, в частности, в связи с высокой степенью автономии.

Однако не стоит полагать, что такая занятость однозначно улучшает эффективность, социальное положение и социально-психологическое самочувствие персонала. Такие изменения предполагают активное применение сложных систем мониторинга и контроля. Работники, переведенные на удаленный режим труда, рискуют столкнуться с информационными перегрузками, испытывать чувства социальной изоляции. В свою очередь, это провоцирует стрессовые состояния, связанные с более высокой степенью ответственности за организацию и результат работы, размывает границы между работой и личной жизнью, создает угрозы конфликтов в случаях неэффективной координации через дистанционное управление.

Социальные последствия этих изменений противоречивы. Подобная форма работы может способствовать формированию новой модели социального развития, с акцентом на его инклюзивный характер, облегчая трудоустройство более широкого круга людей, включая тех, кто по состоянию здоровья или в связи с ограниченной мобильностью не может работать в обычном режиме.

Оборотная сторона медали, однако, заключается в том, что этот вид работы может вытеснить определенные группы с рынка труда, ограничивая пространство традиционной занятости.

Цифровые технологии также способствовали росту «платформенной» деловой активности, которая во многом преобразует традиционную модель социально-экономической деятельности. Платформы способствуют повышению эффективности за счет сокращения трех основных видов транзакционных издержек: 1) поисковых и информационных затрат, связанных с соответствующими товарами и услугами, включая ценообразование и их доступность; 2) переговорных издержек, понесенных в результате приведения двух сторон сделки к взаимоприемлемому соглашению; 3) затрат, которые возникают при обеспечении соблюдения сторонами условий коммерческой сделки [The architecture... 2018: 4].

В сегменте подобных сетевых структур меняется характер работы, процесс производства стоимости и социализации.

Изменения носят отнюдь не только технологический характер, они порождают и новые социально-политические вызовы. Это может способствовать определенному снижению социального неравенства, ибо в современных условиях граждане получают возможности реализации своих социально-политических прав, используя безбрежное сетевое виртуальное пространство и различные конкурирующие сетевые структуры. В этой модели формальный работодатель (в отличие от того, как это было всегда) уже оказывается не у дел, стираются границы между стандартными и нестандартными формами занятости. Прежняя весьма жесткая привязка к местопребыванию фирмы ослабевает, сотрудники получают возможность работать на расстоянии. Кроме того, значительно расширяются возможности получения информации, доступа через сети к образовательным ресурсам, причем нередко по символической и низкой цене, в том числе через порталы лучших университетов мира.

По степени распространения «платформенного» труда впереди пока находятся европейские страны. В ходе социологического исследования, проведенного в ЕС, было установлено, что доля респондентов, сообщивших о наличии такого опыта работы, составила 9% в Великобритании и Нидерландах, 10% в Швеции, 12% в Германии, 18% в Швейцарии и 22% в Италии [Petrooulos, et al., 2019: 94].

При этом цифро-сетевые платформы демонстрируют динамику, которая свидетельствует о расширении их влияния. В стоимостном выражении осуществляемые транзакции растут быстрыми темпами: в 2013–2014 гг. на 56%, а в 2014–2015 гг. уже на 77%. В основном это сферы операций с недвижимостью, финансовые операции, транспорт, услуги, касающиеся домохозяйств и профессиональной деятельности [Employment... 2018: 58]. Иными словами, платформы осуществляют координацию спроса и предложения по определенным группам товаров и услуг, получая плату за связующую посредническую активность. По сути, эти цифровые сети, которые осуществляют координацию с использованием алгоритмов, причем их доля в координации непрерывно возрастает.

Развитие сферы социального благосостояния: сравнительный опыт

Развитие цифро-сетевого общества, сетей с добавленной стоимостью, новых технологий, гибких производственных процессов и новых форм занятости делает неизбежным изменение традиционной архитектуры государства всеобщего благосостояния [Buhr, et al., 2016: 25], формирование новой модели социальной политики, адекватной вызовам времени и новым социальным рискам.

Парадокс современного этапа состоит в том, что социальное государство как политический демократический институт рассматривалось как фактор, способный противодействовать неравенству путем перераспределения и обеспечения социальной защиты граждан от определенных рисков. В то же время его породили политические силы общества, построенного на социальном расслоении, на неравенстве, на социальных привилегиях. Процесс, запущенный цифросетевизацией, лишь выпукло обнажает эти традиционные, но обостряющиеся социальные проблемы.

Страны, для которых характерна более высокая степень социальной дифференциации в материальной сфере, в большей степени рискуют утратить социальную стабильность. Уже сформировался серьезный социальный разрыв между частью граждан, владеющих необходимыми навыками для того, чтобы успешно ориентироваться в виртуальном цифро-сетевом пространстве, и теми группами населения, которые не обладают этими навыками, что серьезно ограничивает их конкурентные возможности. Это становится новым фактором поляризации общества.

В период с 2002 по 2018 гг. доля среднеоплачиваемых рабочих мест в ЕС сократилась на 13 пп. Наиболее значительным снижением оказалось во Франции, Люксембурге, Ирландии и Португалии. В то же время в бывших социалистических странах — Польше, Эстонии, Словакии и Болгарии — пока ситуация иная, возможно в силу того, что там процесс развивается с опозданием. В целом можно говорить о том, что в ЕС

занятость смещается в сторону высокооплачиваемых профессий. Хотя процесс носит противоречивый, разнонаправленный характер: в некоторых странах (Болгарии, Греции, Испании, Нидерландах, Румынии, Словакии) более существенный прирост занятости был отмечен в низкооплачиваемых профессиях [Labour Market, 2019: 4].

Действующие в 2018 г. системы распределения позволили добиться большего сокращения неравенства в доходах, чем это удавалось прежде. В 14 странах реформы, проведенные после 2008 г., обеспечили защиту малообеспеченных граждан. В Германии, Нидерландах и Латвии изменения в политике в большей степени коснулись групп со средним уровнем дохода. В Испании, Португалии и Ирландии это негативно сказалось на располагаемом доходе домохозяйств, находящихся на нижней границе распределения доходов [Labour Market, 2019: 5].

Социальная политика позволяла на протяжении длительного времени достаточно успешно регулировать уровень бедности. В ЕС благодаря этому число граждан с доходом ниже черты бедности снижалось примерно на треть. Наиболее весомый вклад вносит политика государства, направленная на поддержку семей с детьми (семейные пособия), охрану здоровья, пособия (по болезни и инвалидности). Эффективность этих мероприятий, однако, зависит от модели социально-политических отношений, принятой в той или иной стране, а также от уровня финансирования социальных программ. Во многом именно этим можно объяснить различия ситуаций в отношении бедности в странах Северной и Центральной Европы, с одной стороны, и Южной части Европы — с другой. На определенном этапе в России также удалось добиться позитивных результатов, сократив показатель бедности благодаря определенному пересмотру бюджетно-финансовой политики. Но главное — за счет высоких мировых цен на энергоресурсы, которые предоставили властям возможность направлять определенную часть дополнительных средств, полученных от благоприятной конъюнктуры, на повышение социальных расходов. Но в последние годы в связи с обострением мировых социально-экономических проблем бедность возвращается в политическую повестку дня, в том числе в России.

Высокие уровни социального неравенства и бедности, как это доказано практикой общественного развития, являются факторами раскола, несущими угрозу конфликтов и дезинтеграции, они блокируют механизмы социальной мобильности. Согласно подсчетам, во многих странах может потребоваться 4–5 поколений для семьи, принадлежащей к 10% нижней части социальной шкалы, чтобы достичь среднего дохода. В странах с низким уровнем неравенства на это потребуется 2–3 поколения (50–100 лет). В то же время в странах с наиболее высоким уровнем неравенства (Бразилия, Южная Африка) на это может потребоваться 9 и больше поколений, а в Колумбии, где уровень неравенства наивысший, — по меньшей мере 300 лет [Society... 2019: 98].

Цифросетевизация оказывает воздействие и на сферу здравоохранения. Цифровые сервисы, на основе инноваций, выходят на рынок, позволяя осуществлять мониторинг показателей здоровья граждан дистанционным образом. Разработаны соответствующие приложения и устройства. Получает развитие новая модель охраны здоровья, которая настраивается на оптимизацию, предоставление качественных медицинских услуг, развитие необходимой цифровой инфраструктуры. Существенно то, что это позволяет избежать многократных обследований, громоздкой документации, снизить уровень бюрократизации управления; улучшить диагностику, системы профилактики, лечения и обеспечения лекарствами. Возникает однако серьезный вопрос, связанный с защитой персональных данных о состоянии здоровья, ибо эта информация в условиях цифросетевизации может использоваться и в ущерб гражданам, а в результате могут нарушаться их социальные права.

Во многих странах, включая Россию, повышается степень недовольства существующей социальной политикой. Значительное число граждан отмечает, что государственные услуги и льготы являются неадекватными, не решая задачу реальной социальной поддержки. Кроме того, современная система социального обеспечения построена таким образом, что порой возводит серьезные трудности на пути реализации гражданами социальных прав. С одной стороны, это естественный ход вещей в периоды

смены технологических эпох, когда социальные проблемы обостряются как снежный ком, и власти оказываются не в силах находить эффективные пути развития. Растут социальные издержки, напряжение, недовольство проводимой политикой.

Есть ли альтернатива проводимой политике?

В современном мире, охваченном глубокими изменениями, происходит переосмысление места и роли социального государства. Доминирующий подход к государству, рассматривавший его главным образом в роли посредника в страховании социальных рисков (медицинское и пенсионное страхование), демонстрирует свою неадекватность вызовам нового общества, которое объективно нуждается в большей централизации. Он не оправдывает себя, прежде всего, в сфере социального развития.

В связи с этим необходима иная, более сбалансированная политика, сочетающая базовые принципы, без которых современное общество существовать не может, — принципы эффективности и социального выравнивания на основе большей справедливости. Страховая модель социального государства, по сути, является подчиненной частью рыночной организации общества. Между тем, как показывает практика, перспектива социального развития и политического регулирования на этой основе не должна строиться. Необходимо было бы, чтобы новая модель социальной политики поднялась над ней, вышла за ее ограничения и пределы и направляла развитие, формировала новый тип социально-политических отношений. Подобную логику можно вывести из концепции социального обеспечения Бевериджа, которая, однако, решала иные задачи и играла вспомогательную роль.

В современном обществе для успешного развития необходима социальная модель, которая отвергает главенство рыночно-страховых принципов в пользу всеобщего характера поддержки, обеспечивая рост доходов и благосостояния всех граждан, но одновременно учитывая различия экономических возможностей каждого гражданина. В этом контексте имеет значение международное сотрудничество, в частности,

в области налогообложения доходов, полученных в цифрово-сетевой сфере [Andres, Domenech, 2019: 126].

В связи с новым обострением социальных проблем государство может оказаться перед лицом принципиально новой ситуации: долговременного кризиса бюджетно-финансовой политики, невозможности выполнения своих обязательств в социальной сфере. В целях обеспечения равновесия это может потребовать значительного изменения, сокращения расходов по многим статьям, но в любом случае наиболее целесообразной, и в такой ситуации была бы ставка на социальное выравнивание, что потребует серьезных корректировок налоговой и социальной политики. Для социального выравнивания необходимо, естественно, усиление перераспределения. Это единственный путь в сторону справедливости и консолидации общества, особенно перед лицом грозящей катастрофы. Также необходимо увеличивать социальную поддержку тех социальных групп и граждан, положение которых в ходе развития цифро-сетевого общества ухудшается.

Остается надеяться, что современная политика будет адекватна вызовам времени, и общество преодолет трудности перехода и связанные с ним системные и несистемные кризисы. В конечном счете оно должно выиграть от технического прогресса и сейчас, так же как это было в эпохи предшествующих технологических революций.

Объективно, социальное государство должно усиливаться как институт, не только обеспечивающий социальную поддержку, но и гарантирующий социальные и политические права. Если возьмут верх силы, для которых этот институт как «кость в горле», то общество, тем паче общество российское, пойдет вразнос. Ибо, помимо прочего, социальное государство и в нынешнее время — развития цифро-сетевого общества со всеми грядущими сложными проблемами и рисками — скрепляет его. Пусть оно не обеспечивает социальную справедливость — нынешняя власть доказала, что она ей не нужна и она на это неспособна. Но все же оно является определенной психологической опорой, хотя бы символом справедливости. Политические власти должны дать старт процессу повышения своей

социальной эффективности, сокращения административных издержек и ненужного бремени для фирм и работников. Они должны возглавить технологическую и цифровую трансформацию, обслуживая интересы граждан и бизнеса.

Актуализируется вопрос о новом общественном договоре, что всегда происходит в период глубоких перемен. Считается, что в принципе современное общество каждые 20–25 лет должно пересматривать большой (рамочный) социальный контракт, чтобы подвести определенную черту, зафиксировать изменения в сфере экономического и социально-политического развития, согласовать принципиальные моменты перспективной стратегии для различных сфер жизни, имеющих фундаментальное значение. В такие переломные периоды, сопряженные, помимо прочего, со сменой поколений, перемещениями внутри социально-политической структуры, определяющие новую временную диспозицию и новый потенциал различных социально-профессиональных групп, происходит возвращение в социально-политическую повестку дня вопроса о социальной справедливости. Эта логика движения цивилизации универсальна и стоит вне времени, ее не может отменить ничто. Она становится очень востребованной в условиях цифро-сетевого общества и в России, и во многих других странах.

Иными словами, в условиях новой промышленной революция (Индустрии 4.0), основанной на достижениях современной науки и цифровых технологиях, перед государством стоит задача разработки новой, отвечающей требованиям времени, социальной политики. От этого во многом зависит, сможет ли Россия осуществить полноценную инновационную трансформацию и обеспечить устойчивую социальную консолидацию.

Конечно, нельзя решать все проблемы скопом. Нужна цель. Нужен постоянный мониторинг ситуации, адекватный анализ и выверенные решения. Нужны приоритеты и последовательность действий. Значительно больший акцент следовало бы сделать на развитии образования, науки и здравоохранения. Главное, чтобы социальная политика в полной мере способствовала решению проблем социально-экономического развития России и реально улучшала положение граждан России. Нельзя

ничего добиться в современном мире, если игнорировать или не учитывать в должной степени их интересы.

Судя по всему, политические власти в России не до конца осознают это. Складывается впечатление, что они живут в несколько иной реальности. Оказывается, Россия — чуть ли не лидер по некоторым социальным показателям. Средний класс — свой и самый большой. Бедность была в значительной степени преодолена. Росли зарплаты, доходы, жизненный уровень. А впереди — неизбежный рывок, новый взлет. Политическая схема привычная и традиционная для России. И чем больше разрыв с реальностью, тем больше политического лицемерия и авторитарного управления.

Нужно изъять из современной политики в России доминирующее в ней лицемерие, ибо в конечном счете такая политика изначально обречена. Социальные интересы людей на деле должны стоять на первом месте в деятельности государства и общественных институтов.

Список литературы

- Andres J., Domenech R.* 2019. Public Policies in the Age of Digital Disruption // *Work in The Age of Data*. Madrid, BBVA. P. 120–128.
- Buhr D., Christ C., Frankenberger R., Fregin M.-Chr., Schmid J., Trämer M.* 2016. On the Way to Welfare 4.0? Digitalisation of the Welfare State in Labour Market, Health Care and Innovation Policy: A European Comparison. Electronic ed.: Berlin: FES. 35 p. URL: <https://www.wzb.eu/en/persons/marie-christine-fregin> (дата обращения: 20.05. 2020).
- Employment and Social Developments in Europe. Annual Review 2018. Brussels, 2018. 278 p.
- Evangelopoulos P.* 2015. The Market as a Decision-Making Mechanism in a Democracy // *International Journal of Economics and Finance*. 2015. Vol. 7. No. 11. P. 260–263. URL: https://www.researchgate.net/publication/283817210_The_Market_as_a_Decision-Making_Mechanism_in_a_Democracy (дата обращения: 20.05.2020).

- Labour Market and Wage Developments in Europe. Annual Review 2019. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. 167 p.
- Merrien Fr.-X.* 1998. Governance and Modern Welfare States // International Social Science Journal. Vol. 50. Is. 155. P. 57–67.
- Moore Phoebe V.* 2019. Artificial Intelligence in the Workplace: What Is at Stake for Workers? // Work in The Age of Data. Madrid: BBVA. P. 94–106.
- OECD Skills Outlook 2019: Thriving in a Digital World. P.: OECD Publishing, 2019. 269 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/df80bc12-en>.
- Petropoulos G., Scott Marcus J., Moës N., Bergamini E.* 2019. Digitalisation and European welfare states. Bruegel Blueprint Series. Vol. 30. Brussels: Bruegel. 158 p.
- Society at a Glance 2019: OECD Social Indicators. P.: OECD, 2019. 131 p. https://doi.org/10.1787/soc_glance-2019-en.
- The architecture of digital labour platforms: Policy recommendations on platform design for worker well-being. Geneva: ILO, 2018. 49 p.
- The Future of Jobs Report 2018 / Centre for the New Economy and Society. Cologny/Geneva: World Economic Forum, 2018. 135 p.
- Valenduc G., Vendramin P.* 2016. Work in the digital economy: sorting the old from the new (Working Paper). Brussels: ETUI. 52 p